

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА “МУЗЫКА” В ТОПОСЕ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭЗИИ А. БЛОКА И А. АХМАТОВОЙ

Концепт “музыка” обладает универсальностью, поскольку присутствует в поэтических мирах многих авторов и способен объективироваться в индивидуально-авторских дискурсах, выражая при этом их уникальность. Этот концепт вербализуется на разных уровнях поэтических миров: при передаче их доминантных концептов, при реализации национально-культурных особенностей, при актуализации хронотопа и т.д. Исследование концепта “музыка” в различных тематически организованных частях поэтического мира позволяет выявить идеи, демонстрирующие содержательную глубину личности творца, помогает в создании концептосферы этой личности. Рассмотрение данного концепта, основанного на вечных ценностях мира искусства и внутреннего мира человека, приобретает огромное значение в условиях процессов глобализации, во время смены мировоззренческих парадигм. Особую практическую значимость имеет работа с концептом “музыка”, объективированным в любых текстах, на занятиях со всеми категориями учащихся музыкального вуза, так как при этом они лучше усваивают информацию по своей специальности, приобретают качества, необходимые для формирования креативных личностей.

Русские писатели и поэты немало написали о Петербурге. М.В. Отрадин отмечал: “В создании нравственной и духовной атмосферы Петербурга ведущая роль принадлежала, несомненно, русской литературе” [6, 23]. В XVIII веке Петербург часто воспевался (В. Тредиаковский, А. Сумароков и др.), однако уже тогда определилось противоречивое отношение к этому городу: “... или “чудотворный град”, “Пальмира новая”, город “победителя стихий”, или проклятый город, город Антихриста” [6, 6]. Эти мотивы проявились в художественных произведениях различных жанров в XIX веке. С 40-х годов XIX века петербургская тема в русской литературе “...подавалась чаще всего в ее драматическом или даже трагическом развороте” [7, 14]. На писателей второй половины XIX – XX вв. большое влияние оказал образ Петербурга, сформированный Ф. Достоевским в его произведениях “Двойник”, “Преступление и наказание” и др. Петербург Достоевского призрачен и одновременно реален, он губительно действует на человеческие души. В начале XX в. появилось множество поэтических и прозаических произведений о Петербурге. У символистов “...мы находим, как правило, не конкретно-исторический или тем более бытовой образ Петербурга, а образ мифологизированный” [7, 26]. О. Мандельштам пишет о столице, при этом близкие для него темы – это “...ампирный Петербург и пушкинский Петербург” [7, 30], а воссоздание “...образа далекой культуры не превращается у

Мандельштама в самоцель, в его стихах намечается диалог культур, сегодняшней и какой-то другой, не похожей на сегодняшнюю, но глубоко с ней связанной” [7, 30]. Этот список может быть продолжен. У каждой творческой личности второй половины XIX – XX вв. художественный смысл образа Петербурга неповторим. Учитывая, что автор “...использует как клишированные образы, так и собственные, которые возникают в результате внезапных ассоциаций” [5, 60], при сопоставлении топоса Петербурга у различных поэтов можно выявить и универсальные, и индивидуально-авторские особенности. Цель настоящей статьи – сравнительный анализ реализаций концепта “музыка” в топосе Петербурга в поэзии А. Блока и А. Ахматовой. Для достижения указанной цели необходимо решение следующих задач: 1) выявление взаимосвязи рассматриваемых творческих личностей, 2) моделирование семантического пространства Петербурга в поэтических мирах А. Блока и А. Ахматовой, 3) определение роли музыкальной составляющей в топосе Петербурга у данных поэтов.

А. Блок и А. Ахматова – выдающиеся представители русской поэзии.

А. Блок является для А. Ахматовой источником творческого вдохновения: “От тебя приходила ко мне тревога // И уменье писать стихи” [2, т. 2, с. 27] (дарственная надпись на книге “Четки”, посланной А. Блоку). В стихотворении “Я пришла к поэту в гости” [2, т. 1, с. 72] поэтесса рассказывает о своей встрече с А. Блоком в зимний полдень в Петербурге. Ей запомнились особенные глаза поэта: “У него глаза такие, // Что запомнить каждый должен; // Мне же лучше, осторожной, // В них и вовсе не глядеть” [2, т. 1, с. 72]. В стихотворении “А Смоленская нынче именинница...”, посвященном памяти А. Блока, А. Ахматова придает облику поэта сакральные черты: “Синий ладан над травую стелется, // И струится пенье панихидное, // Не печальное нынче, а светлое. // ... // А кладбище – роца соловьиная, // От сиянья солнечного замерло. // Принесли мы Смоленской Заступнице, // Принесли Пресвятой Богородице // На руках во гробе серебряном // Наше солнце, в муке погасшее, – // Александра, лебедя чистого” [2, т. 1, с. 166]. В образе великого русского поэта А. Ахматова подчеркивает связь с Петербургом, выражение эмоций и чувств, трагизм и способность петь – величайшую способность творческой личности (“И ночь Петербурга. И в сумраке лож // Тот запах и душистый и сладкий. // И ветер с залива. А там, между строк, // Минуя и ахи и охи, // Тебе улыбнется презрительно Блок – // Трагический тенор эпохи” [2, т. 1, с. 290]. В “Поэме без героя” [2, т. 1, с. 319–344] имеется строка, соотносящаяся со словами А. Блока из его стихотворения “Моей матери”: “В Летнем тонко пела флюгарка...” [2, т. 1, с. 332] (у А. Блока – “Только флюгарка на крыше // Сладко поет о грядущем” [3, т. 1, с. 271]). А. Блок создал стихотворение “Анне Ахматовой” [3, т. 2, с. 139–140]. Главное в образе поэтессы в нем – красота: ““ Красота страшна” – Вам скажут, – // Вы накинете лениво // Шаль испанскую на плечи, // Красный розан – в волосах” [3, т. 1, с. 139]). Благодаря наличию творческой взаимосвязи А. Блока и А. Ахматовой возможно частичное отождествление ключевых образов их поэзии, в том числе и образа Петербурга.

В поэзии А. Блока и А. Ахматовой образ Петербурга занимает значительное место. Жизнь обоих – поэта и поэтессы – связана с этим городом, его репрезентации присутствуют во многих их поэтических произведениях, участвуют в моделировании их поэтических миров и в формировании “Петербургского текста” [4, 70] русской литературы.

Топос поэтического мира А. Блока разнообразен: это и Петербург, и пригород, и море, и мир мечты – обитель Прекрасной Дамы и т.д. Часто лирический герой поэта не имеет определенного местонахождения: он в пути (“*И он в сомненьи и в изгнаньи // Остановился на пути*” [3, т. 1, с. 68]). Семантика пространственных перемещений лирического героя А. Блока связана с уходом из города и с неизвестностью в другом топосе: “Пусть я покину этот град... // Тоска невольная сжимает // Мне сердце. Я б остаться рад. // Что будет там, душа не знает...” [3, т. 1, с. 70]. Пространство поэзии А. Блока может быть трудноопределимым: читатель имеет возможность лишь предполагать, о каком именно городе пишет поэт. Возможно, у него формируется индивидуальная модель городского топоса. Будем считать, что в основе этой модели лежит пространство Петербурга. М.В. Отрадин указывает: “У Блока нет подробных описаний города, мало примет именно Петербурга... Почему же у нас возникает убежденность, что абсолютное большинство блоковских урбанистических стихов – о Петербурге?... в его стихи входят как бы случайные, а на самом деле очень точные детали облика и жизни города” [7, 29]. Мир неземной реальности в поэзии А. Блока лишен подразделения “городской/негородской”. В топосе города А. Блока имеются различные ориентиры: храм, мост, Нева, собор, булочная, рестораны, театр, кабаки и др. Образ Петербурга у А. Блока часто имеет колористическую (иногда одновременно и эмоциональную) палитру: 1) синюю (“*Наша любовь обманулась, // Или стезя увлекла – // Только во мне шевельнулась // Синяя города мгла...*” [3, т. 1, с. 58]), 2) тревожную и синюю (“*Помнишь ли город тревожный, // Синюю дымку вдали?*” [3, т. 1, с. 58]), 3) смутно озаренную (“*Город, смутно озаренный, // Смотрит в розовую даль*” [3, т. 1, с. 118]), 4) красную и серо-каменную (“*Город в красные пределы // Мертвый лик свой обратил, // Серо-каменное тело // Кровью солнца окатил*” [3, т. 1, с. 235]), 5) седую, сумеречную и бледную (“*Седые сумерки легли // Весной на город бледный*” [3, т. 2, с. 87]) и др. Поэт окружает город и своеобразным звуковым ореолом (иногда в сочетании с цветовыми эффектами): 1) шум (“*Я помню: далеко шумит, шумит столица.*” [3, т. 1, с. 99]), 2) гудение и краски заката (“*Вечность бросила в город // Оловянный закат. // Край небесный распорот, // Переулки гудят*” [3, т. 1, с. 235]), 3) умирающие звуки и дым (“*Тихо всходил над городом дым. // Умидали звуки*” [3, т. 1, с. 339]), 4) безумный напев и мгла (“*Едва наш город скроется во мгле, – // Томим волной безумного напева...*” [3, т. 2, с. 82]) и др. Иногда город существует лишь в воображении поэта: это могут быть воспоминания (“*Воспоминанья величаво, // Как тучи, обняли закат, // Нагромоздили груды башен, // Воздвигли стены, города...*” [3, т. 1, с. 50]), ночное видение (“*На небе зарево. Глухая ночь мертва. // Толпится вокруг меня лесных деревьев громада, // Но явственно доносится молва // Далекое, неведомого*”

града. // Ты различишь домов тяжелый ряд, // И башни, и зубцы бойниц его суровых, // И темные сады за камнями оград, // И стены гордые твердынь многовековых” [3, т. 1, с. 73]). Образ Невы присутствует в топосе Петербурга, созданном А. Блоком. Нева – константа этого топоса (“И вечная холодная Нева // У ног сурово колыхнулась” [3, т. 1, с. 66]), над ее берегом проходит прекрасный женский образ (“Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла // Над берегом Невы и за чертой столицы?” [3, т. 1, с. 98]), она обладает разнообразными характеристиками – исполинская (“Но сфинкса с выщербленным ликом // Над исполинскую Невой...” [3, т. 1, с. 384]), таинственная (“Наши страстные печали // Над таинственной Невой...” [3, т. 2, с. 203]), необозримая (“Под крепостью катила воды // Необозримая Нева...” [3, т. 2, с. 241]). Город у А. Блока наделяется способностью к эмоциональной деятельности: “Мой город истаял в мокрой вьюге, // Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног” [3, т. 2, с. 90]. В нем существуют как люди (“Вечерние люди уходят в дома. // Над городом синяя ночь зажжена” [3, т. 1, с. 204] и др.), так и комедийные персонажи (“Свет в окошке шатался, // В полумраке – один – // У подъезда шептался // С темнотой арлекин” [3, т. 1, с. 157] и др.) и др. Образ города часто окрашен минорным настроением (“Пусть и над городом встанет // Стадо вечернее. Пусть // Людям предстанет в тумане // Золоторунная грусть” [3, т. 1, с. 243], “Открыл окно. Какая хмурая // Столица в октябре!” [3, т. 1, с. 310] и др.). Поэт даже высказывает мысли о его и своей гибели (“Я буду здесь. Мы все сгорим: // Весь город мой, река, и я...” [3, т. 1, с. 389]), задает городу риторический вопрос (“О, город мой неуловимый, // Зачем над бездной ты возник?...” [3, т. 2, с. 243]). Все это говорит о том, что Петербург у А. Блока – не идиллическое пространство в его поэтическом мире. Об этом свидетельствуют и звуковые проявления города.

А. Ахматова в своих поэтических произведениях немало строк посвятила Петербургу. Пространственные ориентиры образа этого города в ее поэзии определены очень четко: *Исакий, Конь Великого Петра, Летний сад* и др. [2, т. 1, с. 68–69]. М.В. Отрадин заключает: “Не только общую атмосферу петербургской жизни передает Ахматова в своих психологических историях, но и конкретный, реальный образ города” [7, 31].

В стихотворении “В городе райского ключаря...” А. Ахматова называет Петербург *дивным градом* и ассоциирует его с раем, где она пела последнюю песню: “Я вольно выбрала дивный град, // Жаркое сердце земных отрад, // И все мне казалось, что в раю // Я песню последнюю пою” [2, т. 2, с. 33]. Строки из этого произведения использованы поэтессой и в стихотворении “Летний сад”, также посвященном Петербургу: “В душистой тиши между царственных лип // Мне мачт корабельных мерещится скрип” [2, т. 1, с. 286]. В “возможном мире” этого сочинения царит таинственная тишина (“И замертво спят сотни тысяч шагов // Врагов и друзей, друзей и врагов” [2, т. 1, с. 286]). Это не единственная характеристика второй российской столицы (Петербурга – Петрограда – Ленинграда). В поэтическом мире А. Ахматовой они многообразны, причем в них доминирует различное настроение или определенный признак, в основе которых – ее сенсорное восприятие: 1)

поэтесса выделяет в образе Петербурга строгость, наличие большого количества воды и темноту (*“Оттого мы любим строгий, // Многоводный, темный город...”* [2, т. 1, с. 88]), 2) А. Ахматова подчеркивает в данном образе пышность, гранит и амбивалентность (*“Но ни на что не променяем пышный // Гранитный город славы и беды...”* [2, т. 1, с. 89]), 3) поэтесса выражает минорное настроение и актуализирует сему ‘мрачность’ в образе столицы (*“Когда в мрачнейшей из столиц // Рукою твердой, но усталой, // На чистой белизне страниц // Я отречение писала...”* [2, т. 1, с. 91]), 4) в образе Петрограда А. Ахматова объективирует сему ‘дикость’ (*“И мы забыли навсегда, // Заключены в столице дикой, // Озера, степи, города // И зори родины великой”* [2, т. 1, с. 144]), при этом она пишет о священной и созданной Петром I столице (*“Но нам священный град Петра // Невольным памятником будет”* [2, т. 1, с. 144]), 5) в образе Ленинграда поэтесса эксплицирует сему ‘призрачность’ (*“И сада Летнего решетка, // И оснеженный Ленинград // Возникли, словно в книге этой // Из мглы магических зеркал, // И над задумчивою Летой // Тростник оживший зазвучал”* [2, т. 1, с. 179]) и др. Важнейшей деталью в образе второй российской столицы у А. Ахматовой является описание Невы. Вьюга над этой рекой может заставить вспомнить поэтессу: *“И сразу вспомнит зимний небосклон // И вдоль Невы несущуюся вьюгу, // И сразу вспомнит, как поклялся он // Беречь свою восточную подругу”* [2, т. 1, с. 131]. Вода из Невы может быть необходимой лирической героине А. Ахматовой: *“Мне бы снова мой черный платок, // Мне бы невоской воды глоток”* [2, т. 1, с. 148]. Образ Невы окрашивается настроением лирической героини, видимо, с ней связана особая эмоциональная реальность: *“От меня, как от той графини, // Шел по лесенке винтовой, // Чтоб увидеть рассветный, синий, // Страшный час над страшной Невой”* [2, т. 2, с. 65], *“Я бросила тысячи звонниц // В мою ледяную Неву, // И я королевой бессонниц // С той ночи повсюду слышу”* [2, т. 2, с. 69]. Хотя Петербург у А. Ахматовой имеет амбивалентные характеристики, он не является идиллическим пространством в ее поэтическом мире.

В создании образа Петербурга у А. Блока и А. Ахматовой важную роль играет музыка.

А. Блок слышит музыку, не видя ночного города, когда его ничто не отвлекает от божественных звуков: *“В ночи, когда уснет тревога, // И город скроется во мгле – // О, сколько музыки у бога, // Какие звуки на земле!”* [3, т. 1, с. 43]. Он часто описывает звон колоколов (образ этого музыкального инструмента приобретает у него особую значимость): *“Высок и внятен колокольный зов...”* [3, т. 1, с. 122], *“В городе колокол бился, // Поздние славя мечты”* [3, т. 1, с. 163] и др. Колокол может быть предвестником весны: *“Бейся, колокол раздольный, // Разглашай весенний звон!”* [3, т. 1, с. 221]. Его звон носит устрашающий характер в сочетании со зрительным впечатлением от залитого солнцем города: *“И на башне колокольной // В гулкий пляс и медный зык // Кажет колокол раздольный // Окровавленный язык”* [3, т. 1, с. 236]. Храм существует и в душе поэта: *“Ничего вы не скажете, люди, // Не поймете, что*

темен мой храм” [3, т. 1, с. 391]. В нем также воплощается образ колоколов: *“Иль можешь лучше: не прощая, // Будить мои колокола...”* [3, т. 2, с. 48].

Город проявляется разнообразием голосов и звуков: людских голосов (*“Весь город полон голосов // Мужских – крикливых, женских – // струнных!”* [3, т. 1, с. 220], *“И голос черни многострунный // Еще не властен на Неве”* [3, т. 1, с. 285] и др.), автомобильного гудка (*“Автомобиль пропел вдали // В рожок победный”* [3, т. 2, с. 87]), фабричных гудков (*“Поют фабричные гудки”* [3, т. 1, с. 330]), напевов ветра (*“И ветер ночной поет в окно // Напевы сонной панихиды...”* [3, т. 2, с. 108]), звуков, издаваемых шарманкой (*“Что быть должно – то быть должно, // Так пела с детских лет // Шарманка в низкое окно, // И вот – я стал поэт”* [3, т. 1, с. 363] – очень важно, что о воле судьбы в плане воплощения креативной личности сообщает именно шарманка) и др. В приведенных примерах, имеющих, в основном, метафорическую форму передачи содержания, поэт воплощает реальные, т.е. возможные в земном мире звуки. Столица сама наделяется способностью петь в “возможном мире” А. Блока: *“Когда ж в морозный мрак засмотрится столица // И полночь пропоет...”* [3, т. 2, с. 154]. Стихотворение “Петроградское небо мутилось дождем...”, в котором изменяется название города (Петербург становится Петроградом), имеет богатую звуковую палитру: в нем имеется пение (*“И садясь, запевали Варяга одни, // А другие – не в лад – Ермака.”* [3, т. 2, с. 177]), звук музыкального инструмента, являющийся сигналом (*“И под черною тучей веселый горнист // Заиграл к отправленью сигнал”* [3, т. 2, с. 177]), звук рожка, передающий эмоции и чувства (*“И военную славой заплакал рожок, // Наполняя тревогой сердца”* [3, т. 2, с. 177]) и др. Петербургская тема в творчестве А. Блока ярко реализована в поэме “Возмездие”. М.В. Отрадин пишет: “Предполагается, что первоначально Блок собирался назвать ее “Петербург”” [7, 29]. Концепт “музыка” объективируется в этой поэме благодаря философским рассуждениям автора (*“Но песня – песню всё пребудет, // В толпе всё кто-нибудь поет. // Вот – голову его на блюде // Царю плясунья подает; // Там – он на эшафоте черном // Слагает голову свою; // Здесь – именем клеймят позорным // Его стихи... И я пою...”* [3, т. 2, с. 218]), описанию песен (*“Старинной песни гайдамаков // Напев согласный зазвучал...”* [3, т. 2, с. 227], *“Да! Песнь о воле слышим мы, // Когда могильщик бьет лопатой // По глыбам глины желтоватой...”* [3, т. 2, с. 247]), в выражении значимости фортепианной музыки для героев поэмы (*“И на покорную рояль // Властительно ложились руки, // Срывая звуки, как цветы, // Безумно, дерзостно и смело...”* [3, т. 2, с. 237] и др.) и др.

Создавая образ Петербурга, А. Ахматова упоминает шарманку: *“А в глубине четвертого двора // Под деревом плясала детвора // В восторге от шарманки одноногой, // И была жизнь во все колокола...”* [2, т. 1, с. 186–187]. Мелодия шарманки – одна из характерных черт фантастического образа Петербурга: *“Весь ты сыгранный на шарманке, // Отразившийся весь в Фонтанке, // Следоходом уплывший весь // И подсунувший тень миража...”* [2, т. 2, с. 94]. В стихотворении “Петербург в 1913 году” А. Ахматова выражает совокупность звуков, создающих ощущение тревоги и наступления чего-то

неизвестного, а потому страшного: *“За заставой воеет шарманка, // Водят мишку, пляшет цыганка // На заплеванной мостовой. // Паровик идет до Скорбящей, // И гудочек его щемящий // Откликается над Невой”* [2, т. 1, с. 291]. В “Поэме без героя” образ Петербурга поэта моделирует при помощи различных средств, в том числе звуков – музыкальных, немзыкальных и неназванных, совместно создающих эффект иллюзорности, ирреальности происходящего. Музыкальные звуки – это пение (*“Не волнуйтесь: дылде на смену // Непременно выйдет сейчас // И споеет о священной мести...”* [2, т. 1, с. 326] и др.), пляска (*“Ты, что козью пляшешь чечетку...”* [2, т. 1, с. 328] и др.), оркестровая музыка (*“Звук оркестра, как с того света...”* [2, т. 1, с. 329]) и др. Немзыкальные звуки весьма разнообразны: звуки человеческого голоса (*“Но беспечна, прятна, бесстыдна // Маскарадная болтовня...”* [2, т. 1, с. 326] и др.), звуки земного мира (*“И я слышу звонок протяжный...”* [2, т. 1, с. 323] и др.), звуки природного мира (*“Здесь под музыку дивного мэтра, // Ленинградского дикого ветра // И в тени заповедного кедра // Вижу танец придворных костей...”* [2, т. 1, с. 331] и др.), звуки неземного мира (*“И сама я была не рада, // Этой адской арлекинады // Издалека слышав вой”* [2, т. 1, с. 336] и др.). Неназванные звуки не имеют четко очерченного денотата (*“Это всплески жесткой беседы, // Когда все воскресают бреды, // А часы все еще не бьют...”* [2, т. 1, с. 323] и др.). Ассоциативно образ Петербурга в данной поэме имеет сходство с потусторонним миром, которому противостоит организованное пространство внутреннего мира лирической героини А.Ахматовой.

Н.П. Анциферов утверждает, что образ города – это некий конструкт, обладающий собственным бытием: *“Он живет своей жизнью, как и сам город, независимой от впечатлений отдельных его обитателей. Он имеет свои законы развития, над которыми невластны носители этого образа, его выразители. Личность, созерцающая город, конечно, кладет на отображенное ею впечатление печать своей индивидуальности, но эта печать видоизменяет только детали”* [1, 47]. Образы Петербурга, созданные А. Блоком и А. Ахматовой, формируются, с одной стороны, как пространственная универсалия (это столица, впечатляющая своими визуальными характеристиками, не являющаяся идиллическим пространством, одним из константных образов которой является образ Невы и т.д.), с другой стороны, они имеют индивидуально-авторские характеристики. Петербург А. Блока проявляет себя огромным разнообразием звуков земного мира, Петербург А. Ахматовой оформляется в особый пространственный континуум благодаря звукам иллюзорного характера. У обоих поэтов в топосе Петербурга значимо наличие шарманки, у А. Блока говорящей о воле судьбы, у А. Ахматовой – являющейся одной из характерных черт образа знаменитого русского города. Образ Петербурга с музыкальной составляющей – один из ключевых образов поэзии А. Блока и А. Ахматовой. Перспективой дальнейшего исследования проблемы, описанной в данной статье, является анализ концепта “музыка” в топосе Петербурга у других русских поэтов (А. Пушкина, О. Мандельштама, И. Бродского и др.).

Литература

1. Анциферов Н. “Непостижимый город...”: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. – СПб.: Лениздат, 1991. – 335 с.
2. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1. – 448 с.; – Т. 2. – 432 с.
3. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. В 2 т. – Л.: “Художественная литература”, Ленинградское отделение, 1972. – Т. 1. 1898–1907. – 559 с.; Т. 2. 1908–1921. – 464 с.
4. Васильев С. Синтез смысла при создании и понимании текста // АН УССР, Ин-т философии. – К.: Наук. думка, 1988. – 237 с.
5. Кольцова Ю. Концепт пути в произведении Н.С. Лескова “Очарованный странник” // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – №2. – С. 58–69.
6. Отрадин М. Главный герой – Петербург // Петербург в русском очерке XIX века / Сост., авт. предисл. и коммент. М.В. Отрадин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 5–24.
7. Отрадин М. Петербург в русской поэзии XVIII – начала XX века // Петербург в русской поэзии XVIII – нач. XX в.: Поэтич. антология / ЛГУ им. А.А. Жданова; Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.В. Отрадин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 5–32.

Аннотация

Ключевые слова: концепт “музыка”, топос, Петербург, поэзия

Концепт “музыка” – универсальный концепт, присутствующий в поэтических мирах многих авторов и способный объективироваться в индивидуально-авторских дискурсах, выражая при этом их уникальность. В поэзии А. Блока и А. Ахматовой образ Петербурга занимает значительное место. Кроме универсальных, он имеет и индивидуально-авторские характеристики. Петербург А. Блока проявляет себя огромным разнообразием звуков земного мира, Петербург А. Ахматовой оформляется в особый пространственный континуум благодаря звукам иллюзорного характера.

Summary

Keywords: concept of “music”, topos, St Petersburg, poetry

The concept of “music” is a universal one, which is present in poetry universes of many creators and which is able to objectivize in individual author’s discourses and emphasize their uniqueness. In poetry of Alexander Blok and Anna Akhmatova, the image of St Petersburg takes a significant place. Apart from universal traits, this image also has individual author’s ones. The Blok’s St Petersburg proves itself by a huge variety of sounds of the earthly world, while the Akhmatova’s one is presented, due to illusory sounds, as a unique spatial continuum.

